

Дорога домой

Жанр произведения: Проза

Произведение написал автор BookBox Custra
Ссылка на публикацию
Марта-Лу Смитсон, она же бабби (именно так, не бабушка, бабуля или ба) для девяти внуков, окончательно выжила из ума. Лиам часто ловил подобные разговоры на семейных праздниках или когда кто-то из родни заглядывал в гости. Он слышал, что соседи бабби постоянно звонили ее многочисленным детям: сначала с советами, затем с просьбами, а потом и с более чем угрожающими рекомендациями решить этот вопрос. В доме появились яркие рекламные буклеты, в которых на фоне зелёных парков неестественно прилизанные старички чинно прогуливались в тени деревьев чистый воздух и долгожданный покой, играли в шахматы дружеское общение, лежали в уютных палатах с непременными широкими улыбками в окружении глянцево добродушных медсестричек и круглосуточный профессиональный уход. — Как ты думаешь, милый, Солфхелп-Хоум ведь не плохой вариант? Или лучше Клэр? А, может, Адмирал у озера? — мама обращалась к Лиаму, но на самом деле просто проговаривала вслух. Перекатывала названия, как камушки по языку. Листала буклеты. Она знала, и Лиам знал, и даже отец, который, собственно, к этому делу никакого отношения не имел, тоже знал, что ни в какой из домов заботы и ухода за престарелыми бабби переезжать не захочет. Проблема, как горячая картошка, перекидывалась из рук в руки от тети Саншайн к дяде Марли, от него к тете Рэйнбоу и ее дочерям, сделавшим отличную карьеру в медицинской сфере в Нью-Йорке, ну а оттуда обратно в Чикаго к маме Лиама, пока однажды внезапно, но предсказуемо не приземлилась на голову самого Лиама. — Ты должен съездить к бабби и уговорить ее. — Это было сказано за завтраком и имело вкус зелёного горошка и твердость бекона, соседствующего с ним на тарелке. В такт словам мама постукивала ногтем по стакану апельсинового сока. — Почему я? — Ты с ней ладил. — В одиннадцать. — Она любит тебя больше прочих. — Ага, настолько, что трижды забывала меня на парковке супермаркета, когда вы ещё зачем-то сплавляли меня к ней на выходные. — Так, — мама отодвинула стакан. — Поедешь завтра. Я дам тебе все нужные брошюры. Покажешь, объяснишь. Все равно заняться тебе в ближайшее время нечем. Это “нечем”, мама нарочно выделила, и Лиам тут же прочитал за ним укор. Раз уж ты такой неудачник и даже поступить не мог, сгоняй к старой маразматичке, поклоняющейся Джиму Хендриксу, хоть так пригодись. Отец, подняв глаза от утренней газеты, подмигнул Лиаму и ухмыльнулся, и это тоже выглядело злорадной издёвкой. *** Бабби жила в Энглвуде в южной части Чикаго. Ее дом — маленький, перекошенный, с облупившейся жёлтой краской и разноцветными психоделическими узорами вокруг окон. На ветхом крыльце висел колокольчик из ржавых ключей и винных бутылок. Двор больше напоминал арт-объект и свалку одновременно: на покосившемся заборе висели выцветшие флаги мира, под ними раскинулись горы старых вещей, коробок, поломанных грабель и

пакетов с пустыми банками. Там же обитали чёрные мешки с мусором, картонные коробки, сломанные кресла и пара детских велосипедов без колёс. Посреди этого бардака, среди клумбы из старой ванны, выделялись пёстрые гномики и таблички "Make love, not war". Лиам припарковал свой бьюик прямо возле кривой калитки. Он немного посидел в машине, собираясь с духом. Сгреб разноцветные буклеты и вышел в августовский зной. Бабби расположилась в скособоченном шезлонге, закинув худые, пучащиеся варикозными узлами икры на гипсовый бюст Линкольна с отколотым носом. На пластиковом столике рядом возвышался зиккурат коробок из-под пиццы. Седые, спутанные пряди, с вплетенными в них бусинами и нитками, пестрое платье, настолько выцветшее и грязное, что определить рисунок на нем не представлялось возможным, и сигарета, зажатая пальцами с длинными разноцветными ногтями. Злая ведьма Запада в ожидании Элли. — Бабби! — Лиам улыбнулся как можно шире. Он старался аккуратно идти, лавируя между гор мусора, но все же пару раз споткнулся и почти получил граблями по лбу. Старушка бодро подскочила и прищурилась. — Кто это к мне заглянул? Никак младший сын моей старшей дочери? Или нет, постой, ты вроде старший сын моей младшей дочери? Тот, который пошёл работать в полицию или в пожарники, а нет — вроде стал преуспевающим биржевым брокером. Глядя на вытягивающееся лицо Лиама, она расхохоталась, по-юному громко и заливисто. — Да, помню я тебя. Ты — вечно недовольный маленький зануда Лиам. Погоди немного, сейчас я принесу самого вкусного домашнего лимонада. Или ты уже достаточно вырос, чтобы перейти на что покрепче? Лиам смотрел на вальяжную муху, плавающую между долькой лимона и веточкой мяты в его стакане. Из открытой двери дома тянуло чем-то кислым и тухлым, даже под страхом смерти он был не готов переступить порог. Вспомнился вечно липкий пол, горы грязной посуды и равномерный слой цветастых тряпок на полу, на которые он насмотрелся в детстве. Бабби всегда отличалась какой-то аномальной неряшливой нечистоплотностью и полным презрением к быту. Лиам брезгливо отодвинул от себя лимонад и на его место положил стопку бумаг. — Мама хотела, чтобы ты посмотрела. — Что это? — Бабби с любопытством взяла буклеты в руки. Но почти сразу, поймав взлядом благообразного старичка, улыбающегося глянцево и ненатурально, отшвырнула их. — Мне это не надо! — Надо. — Лиам ожидал, чего угодно — бури, оскорблений, истерики. Того, что бабби швырнет в него стаканом, осквернённым мушиным трупом. Именно так она, помнится, рассадила бровь дяде Марли, когда он едко прошелся по ее обожаемым семидесятым. А тете Рэйнбоу она надела на голову супницу с остатками бульона за одно ее предложение продать дом и перебраться в более благоустроенную квартиру. Но сейчас бабби не буйствовала, напротив, она сжалась, поблекла и стала похожа на девочку, которая вот-вот заплачет. Очень старенькую девочку. — Но я не хочу. — Соседи звонят, жалуются. Говорят, ты расхаживаешь по двору голая. — Ничего

постыдного в человеческом теле не вижу. — А родители маленьких детей видят. Ты кормишь енотов, и они до того обнаглели, что начали считать все мусорные баки по улице столовыми с разными вариантами меню. — Вот мисс Пачули и мистера Карму попрошу не трогать. Они никому не причиняют вреда. — Мистера Карму? Ты назвала енота Кармой? — Что поделать, он так же неотвратим и внезапен. — В любом случае это далеко не весь список. Они говорят, что если не примем меры мы, примут они. И тогда это уже будет принудительная госпитализация. Бабби молчала, жалобно и жалко. Лиам думал, что, возможно, одна из причин, почему именно на него спихнули эту миссию — толстокожесть. Эмпатия на уровне зубочистки. Противоположная ледяная вершина от болота психики бабби. — Давай я покажу тебе самые лучшие варианты. Объясню. — Нет! — Бабби взвизгнула и тут же зашлась в приступе сухого, лающего кашля. — Убирайся! Пошёл ты! И мои детки тоже. И соседи — эти обыкновенные землеройки. — Она вскочила, опрокинув столик, и, презрительно махнув краем юбки, исчезла в недрах дома. Лиам продолжал сидеть. Скорее всего, лучшим решением было бы действительно уйти, и пусть мама или тети с дядями сами едут сюда и разбираются. Но он ненавидел незавершенность. И сейчас ему казалось, что разговор ещё не закончен, а подвис в воздухе, и это ощущалось мучительным зудом где-то между лопаток. Вот и вторая причина: долбаный друг мой ОКР. Бабби появилась на крыльце спустя полчаса. Через плечо у нее была перекинута огромная холщовая сумка. — Ты ещё здесь, маленький мистер зануда? Я подумала и решила, что возможно вы и правы. Мне действительно уже трудновато одной. А там люди, общение. — Бридж по четвергам и ретро-танцы по воскресеньям. — Лиам с готовностью кивнул. — Исключительно доброжелательная атмосфера. Лицо бабби дернулось, словно она собралась скривиться, но справилась с собой. — Звучит вдохновляюще, ага. — Так я покажу? — Не так быстро. Я согласна посмотреть эти веселые картинки, скажем, через неделю. Когда мы вернёмся. — Вернемся? — Слово звучало подозрительно неправильно и Лиам напрягся. — Я часто езжу в одно место. По осколкам юношеских воспоминаний или около того. Но последние годы мне слишком тяжело даётся дорога и нужен сопровождающий. Ты ведь составишь компанию старушке? — Я?! У меня вообще-то дела и планы. Своя жизнь. — Неужели ты откажешь любимой бабби? Всего неделя твоей жизни в обмен на мою покорность. К тому же я абсолютно точно знаю, что занятия в Чикагском университете начинаются в конце сентября, а значит сейчас ты абсолютно свободен. — И когда ты планируешь ехать? — поспешил сменить скользкую и неприятную тему Лиам. — Прямо сейчас! Грохотнул опрокинутый мусорный бачок, с визгом из него вывалился чёрно-белый ком, развернувшийся в упитанного енота. Отфыркиваясь, он неторопливо засеменил за угол дома. — О! Мистер Карма соизволил попрощаться! Наша дорога будет удачной. — Бабби расплылась в широченной желтозубой улыбке. Чикаго Илинойс 1:30pm

08/12/2026 Миссис Магуэр Мария, Иосиф и все святые, неужели это наконец случилось и чокнутая из жёлтого дома съезжает? Не то, чтобы я подглядывала, упаси Господь, просто у меня кухня аккурат окнами на её двор, а занавески сами себя не поправят. К ней сегодня явился внучок — гладенький, чистенький, рубашечка как из рекламы колледжа, волосы прилизаны. На старую хиппушу эту совсем не похож. Господи, как же она меня достала. То музыка за полночь — и не нормальная, а эти ее семидесятые навсегда. То личности к ней таскаются: бороды, бусики, женщины в юбках из штор, один раз был мужчина с козой. То она голая во дворе ловит «энергию луны», хотя, между нами, луне тоже не всякое надо показывать. А еноты? Эти полосатые бандиты уже считают мой мусорный бак своим воскресным буфетом. И вот теперь внучок сгребает её сумку и, кажется, они уезжают. Я даже перекрестилась. Главное, чтобы она не передумала до конца улицы. Я уже мысленно пеку банановый хлеб в честь освобождения квартала. — Бабби! Не смей курить в машине, иначе я останавливаюсь и по своим воспоминаниям ты шаришься одна. Я не хочу пропахнуть табаком. — Милый, это не табак. — Тем более. Никаких веществ в тачке. Проблем с копами мне только не хватает. Сейчас. Я. Торможу. И ты весь свёрток выкидываешь в окно. — Окей! Знаешь, маленький зануда мне кажется, что это тебе семьдесят семь, а мне девятнадцать. Элькхарт. Индиана 6.00p.m 08/12/2026 Дейзи Токи-Токи сегодня сбила машина. Машина была серая, большая, с ржавым боком. Она даже не остановилась. Только сделала вжух, потом тук, а потом поехала дальше, как будто ничего важного не случилось. Как будто Токи-Токи был пакетом из магазина, а не котом. Я ревела, сидя на бордюре, так что даже глаза заболели, а потом думаю, надо зарыть, как бабушку Агату, когда она померла. Чтобы камушек сверху положить и цветочки всякие. Я даже коробку большую нашла и слова придумала. "Токи-токи — ты был верным котом и лучшим другом". Я пошла к маме просить лопатку. Мама сказала: — Дейзи, не трогай его. Там микробы. Мама сказала, что сейчас у неё звонок по работе, а папа вернётся после восьми и всё решит. Но после восьми — это почти ночью. Нельзя оставлять лучшего друга лежать у дороги до почти ночи. Я пошла к мистеру Уолшу, потому что у него в гараже есть настоящая лопата. Он сказал: “Бедняжка”, но дверь полностью не открыл. Миссис Кларк сказала, что ей очень жаль, но мёртвых животных она не выносит. Брендон с соседней улицы сказал: “Фу, я не буду”, и убежал. Эмма уехала к бабушке в Форт-Уэйн, Грейс в лагере с лошадьми, Ной на озере, а Молли вообще в Теннесси, где у неё кузены и настоящая черепаха. Мои знакомые люди закончились. Я вернулась к Токи-Токи с коробкой. Положила её рядом, открыла крышку. Я придумала всё правильно, только самого главного сделать не могла — взять его в руки. Очень боялась. Мне казалось, если я дотронусь, он станет совсем мёртвым. Тогда возле меня остановилась машина. И из нее вылезла бабушка. Нет, она не была похожа на бабушка Агату, ходящую по воскресеньям

в церковь и ругавшую меня за потоптанный газон. Она была как старенькая фея, которая вывалилась из мусорного бака. У неё в волосах были бусинки, нитки и перо. — Кто умер, солнышко? — спросила она. И сказала это так, будто Токи-Токи был не «какой-то кот», а кто-то большой и взрослый. Я сказала: — Токи-Токи. И опять начала плакать, хотя уже думала, что все слёзы кончились. Из машины вышел дядя, такой, как мой брат Майки, который в прошлом году уехал в Нью-Йорк, взрослый, но не совсем. И, кажется, он был не рад, что они остановились. И что старая фея достала из сумки большой платок и, завернув в него Токи-Токи, прижала его к груди. А потом мы вместе похоронили Токи-Токи. Я вспомнила, что правильно говорить похоронили, а не зарыли. Я положила в коробку три цветка клевера, камушек с белой полоской и маленькую пластиковую рыбку из своего браслета. Потому что Токи-Токи любил рыбу, даже пластиковая, наверное, ему понравилась бы. Я сказала речь, а дядя, похожий на Майки, написал на дощечке, маркером: "Здесь покоится Токи-Токи – хороший кот и самый верный друг". Старенькая фея заплакала вместе со мной, и мне стало гораздо лучше, как будто кто-то понял и разделил моё горе ровно пополам. Она вынула из своих волос голубую бусину и положила на камень. — Чтобы дорога была цветной. А потом они уехали. И я подумала, что если бывают феи из мусорного бака, то это, наверное, самые хорошие феи. Потому что обычные только машут палочкой, а эта не побоялась поднять мёртвого кота. В открытое окно бьюика врывались запахи августа — горячего асфальта и пыльной скошенной травы с ноткой навоза с ферм. Лиам долго и тщательно протирал пальцы антибактериальными салфетками, прежде чем взяться за руль. Поглядывал на насвистывающую что-то задорное бабби. — Не знал, что тебе нравятся дети. — Абсолютно точно нет. — Тогда зачем? — Никто не должен уходить в одиночку. И провожать тоже. Неважно, что будет с телом потом, но это самый главный момент. Как помочь открыть дверь в новое. — Даже коту? — Даже коту. Мотель Лейксайд. Кливленд. Огайо. 12:30a.m 08/13/2026 Марго Он всё-таки нашёл меня. Я-то, дура, думала, что если проехать три штата и заплатить за мотель наличкой, то Коди меня в жизни не сыщет. Ага, размечталась. Он всегда меня находил. Мамка сразу сказала: "Марго, этот парень как репей, прицепится — не отдерёшь". А я, глупая гусыня, думала, что это любовь такая, крепкая и горячая. Разбудил меня грохот в дверь. Я так и подскочила. Как знала — это он. По стуку определила. Он всегда так барабанит, будто дверь вынести к чертям собирается. — Открывай, детка, я всё знаю, я не злюсь, — говорит. А голос — сладкий-сладкий, приторный до тошноты. Ну я и открыла. Дура, тыщу раз дура. Только щёлку, чтобы поговорить, а он плечом как двинет. Дальше смутно все. Помню, что летела спиной на комод, помню, как ваза в осколки. Помню его кулак и своё лицо, которое вспыхнуло так, будто мне на щёку кипятку плеснули. Я не знаю, как вырвалась. Босиком, в одной футболке, вылетела на улицу. Побежала по галерейке вдоль номеров и давай колотить во

все двери подряд. — Помогите! Пожалуйста! Кто-нибудь! Ноль. Тишина. В одном окошке свет мигнул и погас. В другом занавеска дёрнулась — и всё. Люди, они такие. Не хотят влезать. Своя рубашка ближе, а чужие со своей бедой — пусть сами разбираются. Я уж думала — всё, тут мне и конец: у грязной двери в мотеле "Лейксайд", где даже буква "с" на вывеске не горит. А потом одна дверь возьми да откройся. И на пороге — старуха. Ей-богу, я такой в жизни не видала. Вся в тряпках цветастых, волосы седые торчком, в них бусины какие-то, а глаза — острые-острые, будто она тебя шилом сверлит. За её спиной парень маячит, молодой, испуганный не меньше моего. Коди меня уже почти нагнал. Схватил за руку, дёрнул. — Иди сюда, сучка, разговор не закончен! И тут старуха выходит вперёд. Маленькая, а встала так, словно она — гора. Посмотрела на Коди снизу вверх, спокойно так, и говорит. Тихо, но у меня аж мурашки: — Я вижу, что у тебя внутри, мальчик. Гниль. Чёрная, склизкая. Такие, как ты, долго не живут — их земля сама к себе прибирает раньше срока. Я хоронила троих таких. А сначала проводила правильным словом. — Она чуть наклонила голову. — А ну как я и на тебя погляжу подольше? И — не знаю, что это было — может, глаза её. Может, голос. Но Коди — здоровый бык, который меня в комод впечатал, — вдруг побелел. Отпустил мою руку. Попятился. — Психичка старая, — буркнул. Но голос дрожал. — Да ну вас всех к чёрту. И свалил. Сел в свой пикап и рванул так, что гравий из-под колёс. Меня затрясло. Ноги подкосились, и я прямо там, на бетон, и села. А парень — тот, молоденький — приземлился рядом. Достал из кармана пачку салфеток и протянул. — Держи, — говорит. И голос такой... мягкий, но без липкой сладости. Не как у Коди. — Кровь. У тебя губа разбита. Я взяла. Пальцы у него холодные и слегка дрожали. Я посмотрела на него — а он на меня. И как-то сразу отвёл глаза, покраснел, как будто это его застукали за чем-то стыдным. — Спасибо, — прохрипела я. Голос сел совсем. — Я думала, никто… — Ей спасибо говори, — кивнул он в сторону старухи. — Это она безбашенная и бесстрашная, не я. Полоса лунного света, пробившись в щель между ситцевыми занавесками, лежала на щеке Лиама. Он смотрел в потолок, влажная ночная духота липла к коже. — Понравилась? — Кто? — Голову мне не дури. У тебя прям глаза заблестели. Хоть бы номер телефона, взял, остолоп. — Бабби, а ты что, правда ведьма? — Какая к бесу ведьма? Навидалась просто таких бойцов домашних. Шкаф огромный, а смелости в нём с чайную ложку. А во мне ее всегда много было, они перед таким пасуют. И ты, это, с темы-то не спрыгивай. Почему вообще мы сейчас с тобой в одном номере, а не ты в ее. — Бабби! Давай спать! — Глупый, маленький мистер зануда. Мир держится на любви, и когда ей предаваться, как не в девятнадцать лет? Придорожное кафе под Эри. Пенсильвания. 10:30a.m 08/13/2026 Джастин Значит, так. Кто скажет, что Джастина "Гризли" Маккоя может облапошить старуха — тому я лично пасть порву. Восемнадцать лет за рулём, харлей подо мной ревёт как тыща чертей, на пузе тату с орлом, который жрёт змею, борода до груди — детишки в

супермаркетах при виде меня за мамкину юбку прячутся. Я, брат, всякого навидался. А эта бабка меня развела. Как пацана. Богом клянусь. Сижу я, значит, в этой забегаловке под Эри, где кофе на вкус как использованное моторное масло, и уминаю яичницу с беконом. Тихо-мирно. И тут — звяк колокольчик над дверью. Заходит она. Мелкая, в тряпье цветном, волосья седые дыбом, в них — мамой клянусь — не то бусины, не то куриные кости навтыканы. За ней парнишка, тощий, лицо кислое, будто лимон сожрал. Ну, зашли и зашли, мне-то что. Я в тарелку смотрю. А она — шасть! — прямо ко мне за столик. Плюхается напротив, будто мы с ней в детстве в песочнице вместе куличи лепили. Парнишку за рукав дёрнула, тот тоже сел со своей миной кислючей. — Хорошая у тебя машина, — говорит. — "Фэт Бой", девяносто девятого? Я аж жевать перестал. Баба. Древняя. Мотоцикл мой с одного взгляда угадала. Год выпуска. Я, значит, мычу: — Ну... допустим. — Мой второй муж на таком разбился, — говорит она этак задумчиво, а сама тянет мою тарелку с беконом и — цап! — кусок себе в рот. — Хороший был человек. Дурак, но хороший. Парнишка шипит: — Бабби! Это чужое! — Теперь уже общее, — жуёт. И официантке, что мимо шла, ручкой машет: — Милочка, а нам с внучком то же самое, что вот этому красавцу-мотоциклисту. Он угощает. Правда, солнышко? И на меня смотрит. А глаза, брат... как фары дальнего света в лоб. И — вот скажи мне — чего я? Мог бы встать, рявкнуть, дескать, никого я не угощаю, катитесь. Я мужиков вдвое тебя здоровее с байка ссаживал за косой взгляд. А тут... молчу. Киваю даже. Как дурак деревенский. — Ты не туда едешь, — говорит она вдруг, пока официантка тарелки тащит. Утверждает, а не спрашивает. — Я в Буффало еду, — говорю. — По делам. А куда надо? — По делам, — фыркнула, будто я анекдот дурной рассказал, и в свежую порцию яичницы вилку тычет. — А душа твоя старая, потрёпанная, совсем не туда просится. Я по глазам вижу. У тебя внутри пацан сидит, который в семьдесят каком-то пластинкой "Кридэнс" заслушивался и подпевал им перед зеркалом в расчёску. Может тебе в другую сторону ехать — туда где басы с деревянной сцены доносятся и качают разноцветные спины палаток? ...А я ведь реально перед зеркалом пел, с расчёской розовой сеструхиной.. Я никому этого не рассказывал. Ни жене. Ни первой, ни второй. Ни братанам по клубу. Сижу — а по спине мурашки, здоровые, как тараканы. Смотрю на неё уже иначе. А вдруг и правда ведьма и видит чего? У парнишки, аж уши от смущения покраснели, тянет старуху за рукав и бурчит себе что-то под нос, неразборчиво. В тарелку, перед ним поставленную, даже не сунулся. Бабка на него — ноль внимания. Уминает МОЙ завтрак, который я ЕЙ заказал, и жмурится от удовольствия, как кошара на солнце. — Вкусно у них тут, — говорит. — Спасибо, милок. Хорошее у тебя сердце. Большое. Под всем этим железом и бородой. И тут до меня доперло. Медленно так. Как трактор с горки. Никакая она не ведьма. Просто старая проныра в бусах, которая мужика раскрутила на две порции жратвы, ввернув пару угадаек. "Кридэнс" все

слушали. Мотоцикл — вон он в окне стоит, номер и модель любой прочитает, кто в теме. Развела. Меня. Гризли. Я сижу и — не поверишь — ржать хочу. Уважаю. Честно уважаю. Это ж талант. Доели они. Встала. Салфеткой губы промокнула, будто королева какая. — Ну, поехали, зануда, — парнишке. А мне — подмигнула, зараза: — А коня своего железного всё ж таки продай, милок. Второй муж не послушал. И ушла. Колокольчик — звяк. Официантка счёт кладёт. За три завтрака. Сижу я, облапошенный, а сам лыблюсь как идиот. И "Кридэнс" чот врубить захотелось. — Бабби, неужели мы не можем позволить себе заплатить за завтрак? — Ты, может, и можешь, а я женщина бедная, пожилая. Откуда у меня лишние деньги? К тому же за чужой счёт всегда вкуснее. И погоди немного, машину не заводи. Дай я ещё сигарету у кого-нибудь стрельну, в тачке-то своей ты мне курить запретил. Торговый центр «Уолден Гэлериа», Буффало. Нью-Йорк 4:00p.m 08/13/2026 Маркус Двадцать два года я стою на охране этого богоугодного храма потребления. Видал я всякое. Воришек, что колготки в трусы пихают. Мамаш, которые орут громче пожарной сигнализации. Пьяного Санту в июле. Но такого, братцы мои, — такого я не видал. Звонок с фуд-корта: старушка буянит. Ну, думаю, очередная бабуля кофе пролила. Иду. А там — вот это картина. Стоит мелкая, похожая на городскую сумашедшую, и — вы не поверите — раздаёт еду из чужих подносов. Берёт у одного картошку, несёт бездомному парню у входа. Люди рты пораскрывали. — Мэм, — говорю вежливо, по протоколу. — Мэм, это чужая собственность. Так нельзя. А она давай фыркать и плеваться. — Собственность, — говорит. — У мальчика живот к спине прилип, а ты мне про собственность. Тебя мама чему учила, здоровяк? Я, значит, держусь. Двадцать два года стажа. — Мэм, я вызову полицию. — А ты позвони, позвони. Спроси у них, положено ли голодным жрать. — И спокойненько так тянет с еще одного подноса наггетс. Хозяйка подноса визжит. Бездомный учуяв, что запахло проблемами к выходу тихонько семенит. Тут парнишка подскакивает, тощий, мелкий. Внук, видать. — Бабби, ну хватит, тебя ж посадят! А она ему: — Пусть сажают. Я в шестьдесят восьмом за это сидела и не жаловалась. И вот тут, братцы, она мне и выдала. Смотрит — и вдруг лицо у ней меняется. Мягчает. И говорит тихо, ласково: — Дэнни… Дэнни, ну чего ты в форме? Ты ж не любил форму. Я аж попятился. Какой Дэнни. Меня Маркус зовут. А она ко мне тянется, за рукав, и глаза — мокрые, счастливые: — Я знала, что ты придёшь. Я тебя тут ждала. Ты сказал — никуда не уходи. Я в осадке, стою как истукан. А парнишка — я на него глянул — он белый весь. Он это в первый раз видит, понял я. Он про эту её… дырку в голове не знал. — Бабби, это не Дэнни, — шепчет он. — Это охранник. Посмотри на меня. Она моргнула. Раз, другой. И — будто вынырнула. Отпустила рукав. Засмеялась, звонко: — Ох, батюшки. Обозналась. Ты, милок, просто на одного хорошего человека похож. Извиняй. Но парень уже завёлся. От страха, я так думаю. Встал между нами: — Не трогайте её! Она пожилая! Что вы к ней прицепились из-за пачки картошки?! — Сынок, я к ней не цеплялся, она…

— Вызывайте своих копов! Валяйте! Мы никого не боимся! Ну. Вызвал. А чего мне ещё делать. Тетка эта развопилась, будто не не наггетсов, а девичества лишили. Двадцать два года стажа, а сердце — не камень. Стою и думаю: и старуху жалко, и пацана, у которого руки трясутся, а он бабку грудью закрывает. Приехали ребята. Повезли обоих в участок. Не в тюрьму, конечно, — разобраться. Старушка в машину садилась, обернулась на меня и — подмигнула. Хитро так. В камере дурно пахло и было ужасно жарко, но бабби, казалось, это вовсе не раздражало. Она сидела на лавке, болтала ногами, как школьница, и разглядывала облупившийся потолок с искренним интересом. — Это кто такой — Денни? — Первый мой муж. Твоей дед, а может не твой. Не помню. Хороший. Умер, когда мне двадцать три было. Последнее время он часто ко мне… заходит. Только все с чужими лицами. — Сколько у тебя вообще мужей было? — Много, но точно меньше чем детей. Мне всегда хотелось дать миру больше прекрасного. А вот что потом делать с этим прекрасным, я не знала. Однажды, например, двоих я на заправке забыла. В Огайо. С ребятами в фургоне ехали на концерт, я курнула, пока эти в туалет пошли, и мы рванули. Вспомнила про них через два штата. Они на той заправке шесть часов просидели. Одни. Семь лет старшему и пять младшей. Я плохая была мать. Всё гналась куда-то, а дети сзади бежали и звали. Я на них оглядывалась — и снова вперёд. Полицейский участок, Буффало. Нью-Йорк 8:00a.m 08/14/2026 Шериф Уолтер Мне через четыре месяца на пенсию. Сорок один год при значке. Думал, до последнего дня досижу тихо, без сюрпризов. Ага. Как же. Прихожу утром, кофе не допил, дежурный докладывает: старушка со внуком, задержаны в “Гэлерии”, кормила бомжа чужой картошкой. Иду в камеру — глянуть на экспонаты. И встал в дверях как вкопанный. Рыжик. Седая уже вся, ссохлась, как яблоко в духовке. Но глаза. Эти глаза я б из тыщи узнал. Лето семьдесят шестого, площадь у ратуши, она босиком на капоте моей патрульной машины поёт "Крокодилов рок", а я, молодой дурак-стажёр, не знаю, арестовать её или жениться. — Лу, — говорю. И голос у меня сел. — Марта-Лу Смитсон. А она смотрит. Вежливо, но без интереса. Не узнаёт. — Мы знакомы, милок? Полоснуло по сердцу. Сорок лет я эту улыбку помнил, а она — меня нет. — Уолт, — говорю. — Уолти. Ты меня “копиком” звала. Я тебе штраф выписать не мог, руки тряслись. Ничего. Тишина. Внук на меня смотрит виновато — мол, извините. Я уж рукой махнул, хотя обидно стало жутко. Бумаги начал оформлять. И тут — от двери уже — слышу тихо: — Уолти? Обернулся. Она смотрит — и узнала. На одну секунду. Все сорок лет разом в глаза вернулись. — Ты так и не решился меня арестовать, — говорит и улыбается. Та самая улыбка. — Не решился, — говорю. А сам думаю, как бы при дежурном-то не раскиснуть и слезу не пустить. — Отпусти нас, копик. Мне ещё далеко ехать. — Куда, Рыжик? Но она уже отвернулась. И глаза опять — пустые. Как не было. Отпустил я их, конечно. И весь день потом у окна простоял. — Бабби, я не поступил в Чикагский. Мама всем говорит, что я взял "год на подумать", а я просто не

прошел. — И? — Что "и"? — Ну, не поступил. Небо от этого на голову не упало. Земля не перестала вращаться. — Что б ты понимала! Это для меня было важнее всего, я шёл к этому со средней школы. — Шёл он. Милый, диплом это всего лишь бумажка. Он не сделал бы тебя ярче или счастливее. Куда важней место своё найти. Я вот, может, до сих пор ищу. Придорожное кафе «У Донны», Харрис, Нью-Йорк. 6:40p.m 08/14/2026. Пэтти Гроза налетела внезапно, как оно тут между холмов и водится. Небо почернело, ливануло стеной, и посетителей у нас — раз-два и обчёлся. Я протирала стойку и поглядывала в окно, как молнии царапаются золотыми когтями. Их двое было. Старушка — неухоженная, как те, кто ночует под путепроводом у трассы, тележки из супермаркета с горой пакетов только не хватало, и парнишка, тощий, приличный, но какой-то весь замороженный. Пили чай. Из музыкального автомата вдруг заиграло, глючит его в грозу, сам по себе врубается. Что-то из моей молодости — то ли "Ван Моррисон", то ли ещё кто. И старушка эта уставилась в окно, на ливень. Встала. Медленно, держась за стол. — Пойдём, — говорит парню. — Куда пойдём? Бабби, там льёт как из ведра. — Вот именно. — Глаза у неё загорелись, как у девчонки. — Танцевать. Он аж поперхнулся. — Под дождём?! Ты с ума сошла? — Давно, милый, давно. Но нет ничего прекраснее танца в грозу, попробуй — тебе должно понравиться. Она толкнула дверь и вышла под ливень. Я к окну прилипла. Парнишка выскочил следом, кричит: — Бабби! Вернись! Простудишься! А она уже посреди пустой стоянки, под стеной воды, раскинула руки и кружится. Лицо к небу задрала, глаза закрыла. Вода по ней течёт ручьями, волосы сосульками обвисли, платье потемнело — а она смеётся. Молнии полыхают, гром грохочет, а старушка эта танцует так, будто ей не восемьдесят, а восемнадцать. — Иди сюда! — кричит она парню. — Потанцуй со старухой! Второго такого дождя не будет! Он никогда не повторится! И мальчишка тоже шагнул под ливень. Весь сжался сперва, плечи поднял. А потом распрямился, подошёл и обнял её. Она голову ему на грудь приткнула и они закачались. Прямо там, на залитой водой стоянке, под громом и молниями. Я от окна отлипнуть не могла, до того странно и красиво. А потом она вдруг обмякла. Просто — раз, и осела у него на руках, как тряпичная кукла. Он ещё даже позвать на помощь не успел, как я к телефону кинулась, набирать девять-один-один. Скорая мчалась вниз с холмов, кренясь на поворотах. Фельдшер что-то делал с капельницей. Бабби лежала выцветшая с кислородной маской на лице, и глаза полуприкрыты. Лиам держал её за руку. — Помнишь, ты нам с Хлоей и Сэмом сказки рассказывала. Про страну, где всегда зреет земляника, про жёлтый автобус, на котором ездят в небо только бородатые гитаристы. Про дерево, которое поёт любимые песни, если приложить к нему ухо. Я потом два года искал его во дворах и парках. Я тогда не понимал, почему у тебя в историях мир такой… добрый. А настоящий — грязный, злой и вечно мне подлянки строил. И это несоответствие меня мучило, я ведь сам, когда подрос, попросил не возить меня к тебе. Думал, ты врёшь.

Просто врёшь маленьким детям. Мама удивилась. Она ведь любит тебя очень, и все дяди и тети тоже. Только любить проще издалека. Так и обиды прощаются, и на заправке у супермаркета никого не забудут. Бабби стянула маску с лица. Улыбнулась. — Мы почти приехали. Слышишь? Почти-почти. Лиам не понял, про больницу она или нет. Медицинский центр «Гарнет-Хелс», Харрис, Нью-Йорк. 12:15a.m 08/15/2026. Доктор Аллертон Пациентка Смитсон, семьдесят семь лет. Поступила с синкопе на фоне того, что мы деликатно называем “декомпенсацией”. А если не деликатно — организм у неё изношен так, будто она прожила три жизни подряд. Сердце едва тянет. И это ещё не главное. Главное было на снимках грудной клетки и в анализах. Я такое видел много раз. Процесс распространённый, запущенный, без каких-либо попыток в лечение. А она ведь наверняка знала. Такое не пропустишь — боли, слабость, периодическая спутанность сознания. Внук ждал в коридоре. Совсем мальчишка. Сидел, обхватив колени. — Она в стабильном состоянии, — сказал я. — Пока. Но я буду с вами честен, ваша бабушка умирает. Ей точно нельзя никуда ехать. Ни завтра, ни послезавтра. Ей нужна госпитализация, а дальше — разговор с онкологом и, скорее всего, паллиативная служба. Он поднял на меня глаза. — Паллиативная — это… — Это когда мы уже не лечим болезнь, а купируем боли и помогаем уйти комфортно. Он долго молчал. — Сколько осталось? — Точно не скажет никто. Недели. Может, месяц-два, если беречь силы. Любая нагрузка сейчас — это риск. Вы понимаете? Ей нужен полный покой. Парень кивнул. — Можно к ней? — Да. Она в сознании. Но будьте аккуратны, хорошенько подумайте, что станете говорить. — Ты не бросишь меня здесь! — Тебе нельзя, никуда, совсем. Я позвоню маме и прочим — они приедут. — Мы отсюда уходим. Сегодня ночью. — Нет. — Лиам, я сюда ехала не для того, чтобы помереть на казённой простыне под пиканье приборов. Понимаешь? — Я не могу. Меня вся семья возненавидит. — Пусть. Зато проводишь по-человечески. Помнишь, я говорила — самое важное — не оставить в одиночестве на пороге. Неси мою одежду, она в том шкафчике. Ты же уже понял, куда мы? — В Бетел? — Да, милый. Именно туда. Бетел. Нью-Йорк Перед рассветом. Холм они одолевали медленно. Лиам поддерживал бабби под локоть, и всё равно через каждые десять шагов она останавливалась, упиралась ладонями в колени, и пережидала, пока грудь перестанет ходить ходуном. Трава была мокрой от росы, кроссовки Лиама пропитались влагой насквозь. Бабби смотрела вверх, на гребень, за которым небо уже наливалось молочно-розовым. Остановившись почти на самой вершине, она вдруг заговорила. Перемежая слова одышкой и хриплым кашлем. — Я однажды тоже провожала. Не здесь, конечно — совсем в другом месте, но так же на рассвете. Я была папина дочка, нежный цветочек и любимица, и, когда пришло его время, он не лёг помирать. Встал, оделся и говорит: "Марта, пойдём, покажу тебе кое-что. Только тебе". И мы пошли. Через поля и сквозь травы, еле-еле потихонечку до леса. Когда солнце встало — он

показал мне переход. Свою речку из тридцатых: отмель, ивы, клёв с самого утра, войны ещё нет, все живы. Там ему было хорошо. А для всех остальных он просто пропал. Понимаешь? Ни тела, ни могилы, ни записки. Полиция, собаки, объявления в газете — искали месяцами. Мать до смерти думала, что он бросил нас. Я одна знала правду и всю жизнь её при себе держала — кому такое расскажешь. А на прощание он снял вот это и надел мне. Святой Христофор, покровитель путешественников. И сказал: "Твой билет обратно. Проводишь до воды — и назад. За мной не ходи, тебе ещё рано". Я и не пошла. Медальон меня удержал. — Она сняла шнурок через голову, путаясь в седых прядях с бусинами. — Теперь твоя очередь, маленький мистер зануда. — Бабби надела медальон Лиаму на шею, придавила ладонью к его груди, будто ставя печать. — Бабби, я не… — Тише. Смотри. И тут из-за края земли выкатилось солнце. Свет хлынул по склону вниз, в широкую зелёную чашу, и Лиам увидел. Всё поле внизу было забито. Разноцветные фургончики-фольксвагены, расписанные цветами, длинные кадиллаки отливающие хромом, автобусы. Дощатые сцены, леса, растяжки. Тысячи, десятки тысяч людей — на одеялах, на плечах друг у друга. Дым костров стоял столбами в утреннем воздухе. И снизу, тонко и ясно, доносилась музыка — гитара, тянущая одну долгую чистую ноту, от которой у Лиама перехватило дыхание. — Бабби, — прошептал он. — Это же… Вудсток. Настоящий. — Настоящий? — Она тихо засмеялась, глядя вниз — Нет, милый. Такого Вудстока не было. Никогда. — Как — не было? Вот же он… — Настоящий-то был совсем другой. — Она качнула головой, и в голосе её не было ни капли сожаления, только нежность. — Грязь по колено. Три дня ливень. Жратвы не хватало, воды не хватало, сортиров — тем паче. Половину я проспала в мокром спальнике, а вторую проревела из-за одного дурака с гитарой, который меня бросил ради девицы из Огайо. Звук с половины поля не слышно было. Кто-то ширялся, кого-то на “скорой” увозили. Вот такой был настоящий. Она обвела рукой сияющую внизу картину — чистую, тёплую, звенящую. — А этот — не тот, что был. Это тот, каким я его домечтала за шестьдесят лет. Вылизала до последней травинки. Убрала грязь, убрала дождь, убрала того дурака. Оставила только музыку, солнце и то, как мне было двадцать и казалось, что весь мир принадлежит только мне. — Она посмотрела на Лиама. — Идеального места в "сейчас" не бывает, милый. Никогда. Оно живёт только в двух местах — в мечте и в памяти. Там его и можно вычистить до блеска. Вот отец ушёл на свою речку, которой давно нет и, может, и не было такой красивой. А я вот — сюда. В свой Вудсток. В тот, что лучше настоящего. И он меня ждёт — правильный, каким я его придумала. Воздух на гребне дрожал и плыл, как марево над раскалённым асфальтом. Вот он, переход. Где реальность становится тонкой, как папиросная бумага. — Пора, — сказала бабби. Она отпустила руку Лиама. Впервые за ночь выпрямилась без опоры.— Всё хорошо, солнышко. Ты меня довёл. Дальше я одна. А ты стой тут. Стой и держи Христофора. Он тебя вернёт. Бабби пошла вниз.

Лиам рванулся было следом — и медальон на груди вдруг стал тяжёлым, тёплым, словно чья-то ладонь легла ему на грудь и придержала. Тебе ещё рано. Он остался стоять. Бабби спускалась по склону, всё быстрее, всё легче, и с каждым шагом что-то с неё осыпалось. Седина стекала с волос, и они вспыхивали медью в утреннем солнце. Спина распрямлялась. И вот уже вниз по склону, к музыке, к разноцветной толпе, бежала не старуха, а рыжая девчонка лет двадцати — тонкая, звонкая, в тяжёлой джинсовой куртке, которая была ей велика на три размера, с рукавами, закатанными до локтя. Она обернулась на бегу, махнула ему рукой — и нырнула в гущу своего идеального, никогда не существовавшего Вудстока.